

искренне уважали за то, что, не будучи по рождению швейцарцем (Хайек родился в Бейруте в 1928-м, переехал с родителями во Францию перед войной и обосновался в Швейцарии с 1949-го), он был воплощением гордого швейцарского духа и свойственной этой маленькой великой стране жажды совершенства. Он никогда не боялся ошибиться, он ставил цель и шел к ней, что бы ни говорили вокруг.

Как правило, он побеждал. Но впечатление, что все его желания и идеи счастливейшим образом осуществлялись, ложно. Хайек делал ошибки — чего стоит, например, попытка создания новой часовой марки Louis Brand — по имени создателя Omega. Но он признавал это сам и не скрывал от других. Он был очень расстроен неудачей своего крошки-своцмобиля, который должен был стать таким же чудом на автомобильном рынке, как часы Swatch на часовом. Разойдясь с «Фольксвагеном», на который они возлагали столько надежд, они связались с «Мерседесом» и вынуждены были в итоге выйти из проекта Smart, потому что Хайек мечтал об экологическом электромобиле за €7 тыс. максимум, а «Мерседес» хотел модную машинку на двоих, которая стоит как автобус. Хайека не послушали — у автомобильных боссов была собственная гордость, и в итоге маленький гибридный автомобильчик с четырьмя электромоторами, который разработали швейцарцы из хайековских лабораторий, был отвергнут. Хайек пожимал плечами и предрекал, что выход японцев с такой машиной когда-нибудь обрушит автомобильный рынок, как японский кварц обрушил рынок часовой.

В такие моменты он переставал быть просто человеком бизнеса. Он беспокоился и о судьбах мира, и об этике профессии. Он с болью и яростью говорил о том, как упало доверие к деловым людям. Раньше считалось, что ты честный человек, пока суд не доказывал, что ты жулик, — сейчас все уверены, что ты жулик, и даже суд не докажет, что ты честный человек. Он сожалел о том, что современным инвесторам все равно, во что инвестировать. Если раньше инвестор был связан с компанией, которой он доверял свои деньги, сейчас он видит за своими акциями не продукт, а лотерейный билет.

Эти легкомысленные отношения, эта безответственность современного бизнеса нанесли, по его мнению, невероятный вред Швейцарии, убили лучшую некогда в мире авиакомпанию Swiss Air и тяжело ранили самый знаменитый банк UBS, затронули почту и железные дороги — он переживал за эти бриллианты швейцарской короны и не хотел, чтобы однажды нечто подобное произошло со Swatch. Для этого он всячески пытался наперекор течению вывести компанию с биржи.

Сам он называл себя предпринимателем, антрепренером, чтобы никто не путал его с банкиром или с биржевым спекулянтом, человеком ненавидимой им породы. «Я не бизнесмен, я артист», — говорил он всегда и держал себя соответственно. Он был православным и при необходимости доставал крест из-за ворота, который, впрочем, висел рядом с маленькой скульптуркой-«компрессией» Сезара. И вот, как настоящий швейцарец, протестант и моралист, этот православный говорил о социальной ответственности антрепренера, о том, как неприятно, некомфортно и даже опасно быть богатым и счастливым среди бедных и озлобленных.

Многое можно было понять по его отношению к журналистам. Как человек прошлого века, он верил в силу слова и прислушивался к газетам, но не боялся быть резким и никогда не брал интервью на проверку. Он заранее допускал, что мы невежественны, делаем ошибки, но он считал это нормальной погрешностью процесса — он не прощал только намеренную и целенаправленную ложь.

Он был настоящим командиром, громовержцем, яростным в суждениях, но, как я мог заметить, люди его не боялись. Есть начальники, от которых бегут и прячутся, чтобы не встретиться лишний раз, — его общества искали. Когда он проходил по коридорам, все бежали к нему навстречу, как к Деду Морозу на кремлевской елке.

Он был на равных со всеми возможными министрами и президентами и сам удивлялся тому, насколько естественно и спокойно чувствует себя в компании сильных мира сего. Хайек не пресмыкался сам и не терпел, чтобы пресмыкались перед ним. «Возможно, перед Богом я поведу себя по-другому», — добавлял он с удивительной скромностью. Конечно же, напускной.

СЕРГЕЙ МАКЕЕВ

Когда я узнал о кончине Николаса Хайека, то ощутил ужасную горечь. И до сих пор мысль об этом для меня мучительна. Я никогда с ним не разговаривал, хотя знал его всю свою жизнь, но без него все мы, все часовщики, осиротели. Со всеми своими недостатками и достоинствами Николас Хайек был природный рыцарь, человек, который защищал главное в жизни. Он видел суть вещей.

Это был человек, который существовал всегда. Когда я пришел в профессию, он уже был в ней самым великим, и год назад он тоже был самым великим. Николас Хайек говорил за нас, он защищал индустрию, а не маркетинг. Думаешь, что его больше нет, и чувствуешь себя сиротой.

ФОТОBANKGITY IMAGES

Швейцария лишилась одной из самых ярких своих личностей, символа часовой индустрии и блестящего предпринимателя. Одной из главных заслуг Николаса Хайека стал его огромный вклад в спасение швейцарской часовой индустрии. Он был мечтателем во всем и оставил нам на память свое творческое наследие. Он обладал редким даром — уметь претворять в жизнь самые смелые идеи, которые могли прийти в голову только ему. Его предпринимательский дух был движущей силой для экономики Швейцарии. Его уход из жизни оставляет чувство невосполнимой утраты.

REUTERS

Николас Хайек создал индустрию, способную конкурировать со всем миром и, что еще важнее, способную завоевывать будущее. Он научил швейцарцев вновь быть завоевателями, доверять себе и гордиться своими достижениями, технологиями, школами, людьми и нацией в целом. В этом смысле его роль еще важнее! Он действовал как настоящий патриот и был одним из самых известных и любимых людей Швейцарии.

За десять лет, когда я ежедневно проводил рядом с ним по несколько часов, я многому у него научился. Без него я, возможно, не сумел бы достичь в Hublot того размаха и скорости, которых мы достигли. И я всегда буду помнить его простоту, харизму и чувство юмора. Как я могу забыть наши путешествия на машине, когда он в свои семьдесят пять забирал меня в пять утра на пятичасовую поездку от Мюнхена до Милана, и те пикники, которые мы устраивали во время путешествия! Уже при жизни Николаса Хайека был признан его вклад в развитие часовой индустрии как часть его миссии, страсти и судьбы. Стоит ли повторять еще раз все, что он нам доказывал, и с чем мы все теперь согласились.

карл-фридрих
шойфеле,
chopard

Смерть Николаса Хайека стала для всех, кто связан с часовым делом, огромной потерей. Нас покинул совершенно исключительный человек, одаренный необыкновенной фантазией. За последние 30 лет он принял активное и деятельное участие в создании истории часового искусства и внес неоценимый вклад в его распространение далеко за пределы швейцарских границ.

жан-кристоф
бабен, tag heuer

АЛЕКСЕЙ ТАРМАНОВ

Я был глубоко потрясен смертью Николаса Хайека. Несмотря на то что ему было уже 82 года, в нем было что-то бессмертное — благодаря его исключительной и постоянной вневременной энергии и его постоянной деятельности по защите нашей индустрии. Харизматик, визионер, энергичный, творческий, неподражаемый, непревзойденный человек — вот слова, которые приходят мне в голову, когда я думаю о нем. Я горд тем, что мне повезло с ним встречаться и быть с ним знакомым. Моя горечь — с ним, моя искренняя симпатия с теми, кого он оставил без себя. Мне будет его не хватать и всей нашей индустрии будет его не хватать.

шинджи
хаттори,
seiko watch
corporation

Я хочу передать соболезнования семье Николаса Хайека и выразить искреннее восхищение всем тем, что он сделал для часовой индустрии. Seiko и швейцарская часовая промышленность являются соперниками и идут рука об руку в мире, однако это только лишь одна сторона вопроса. Суть же состоит в том, что и Seiko, и швейцарская часовая индустрия разделяют общие интересы. Качественный сильный часовой бизнес, великолепная четкая дистрибуция, постепенное непрекращающееся развитие. И я верю в то, что дело Николаса Хайека, которого я считал своим лучшим врагом, после его кончины будет продолжено. Так и должно быть.